

Ас из первой десятки

К ДНЮ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

О дважды Герое Советского Союза Николае Дмитриевиче Гулаеве среди летчиков ходило много всевозможных былей и небылиц, не злых, а скорее добрых и ироничных. Его уважали за порядочность, справедливость, доступность. А больше всего за неповторимую, только ему присущую манеру ведения боя.

«Он выжимал из машины все возможное и невозможное, интуитивно чувствовал маневр противника – и поэтому был результативен, как никто, – пишет в своих мемуарах генерал-майор А. С. Иванов, один из ветеранов десятой отдельной армии ПВО, командующим которой был в 60-х годах Николай Гулаев. – В разные периоды боев он за один день трижды сбивал по четыре, дважды – по три и семь раз – по два фашистских самолета!».

Но сначала история жизни Гулаева складывалась так, как и многих его ровесников предвоенных лет. Он родился на Дону, в казачьем крае, но не в бедло, а за штурвал самолета привела его судьба в авиационное училище. В августе 1942 года он принял в небе под Сталинградом свой первый воздушный бой. «Это был летчик-самородок, входивший в первую десятку асов страны», – скажет потом о нем его бывший командир эскадрильи.

Вот выписки из летной книжки Гулаева с начала Курской битвы: 5 июля 1943 года – шесть боевых вылетов, четыре победы, 6 июля – сбит один самолет, 7 июля – действовал в составе группы, сбито три самолета противника... 8 июля сбит «мессершмит», 12 июля сбиты два «юнкерса». В этот день Гулаев взлетал уже как командир эскадрильи, а в сентябре 1943 года был награжден первой Золотой Звездой Героя.

В марте 1944 года он побывал в родных краях и узнал, что его отец был казнен гитлеровцами. Комэск рвался в бой, ярость и ненависть к фашистам кипели в его душе. В первые же две недели он сбил девять немецких самолетов.

Он не был заговорен от огня противника. 30 мая, сбив четыре вражеских самолета, был тяжело ранен, чудом дотянулся до аэродрома и потерял сознание после посадки. В госпитале узнал о том, что стал дважды Героем. Но вскоре снова лежал.

Итог бесстрашной службы Николая Гулаева таков: 240 боевых вылетов, 69 воздушных боев, 57 лично сбитых самолетов. Иван Кожедуб сбил 62 самолета, Александр Покрышкин – 59, Николай Гулаев был бы третьим трижды Героем в авиации. Мог быть...

Мы встретились с ним впервые в 1955 году в Ярославле, где располагался штаб 133-й авиационной истребительной дивизии. Он стал ее командиром.

Ему еще не было сорока, был невысок ростом, но кре-

пок, спортивен. Оптимист, требовательный, строгий начальник. Часто летал сам и любил повторять, что летчик должен находиться в боевой готовности, а для этого надо летать и летать, в любых погодных условиях. В вопросах авиации для него не было мелочей – он, как никто, знал, к чему может привести отступление от строгих законов летной службы.

Служить с ним было нелегко. Но офицеры-летчики, как один, заметно отличались от офицеров других родов войск: были особенно вежливы, подтянуты и – обладали особым чувством юмора. В дивизии служило немало доморощенных поэтов, и Гулаев первый смеялся остроумной шутке. Но неуважения к коллегам не допускал.

– Молодцы! – хвалил Гулаев. – И летают, и стихи пишут. Нам не до стихов было. Только сядешь, не успеешь ложку в столовой взять, уже команда: Гулаеву и Труду – взлет!

Он почему-то недолюбливал политработников, но частенько присутствовал на политзанятиях. На одном из них пришлось отвечать и мне. Я выступил хорошо, Гулаев похвалил и потом при встрече всегда замечал меня.

Среди офицеров ходили разные слухи, почему не получил Гулаев свою третью Звез-

Итог бесстрашной службы Николая Гулаева таков: 240 боевых вылетов, 69 воздушных боев, 57 лично сбитых самолетов. Иван Кожедуб сбил 62 самолета, Александр Покрышкин – 59, Николай Гулаев был бы третьим трижды Героем в авиации. Мог быть...

ду. Но узнал я подоплеку гораздо позднее. А тогда военная служба разбросала нас в разные края. Гулаева я потерял из виду – уж очень большая разница была между нами и в возрасте, и в званиях. С грустью его вспоминал и уже не надеялся на встречу. Но в 1967 году меня направили в штаб 21-го корпуса ПВО на Кольский полуостров. Корпус входил в состав 10-й армии ПВО, ее командующим был Гулаев. А меня чуть позже назначили заместителем командира зенитно-ракетного полка в Мурманске.

В 1972 году полк по плану боевой подготовки участвовал в стрельбах на полигоне Капустин Яр. Одной ракетой нужно было поразить крылатую мишень. Поразили Почет и слава, круглая пятерка. Вернувшись, мы встали на боевое дежурство по охране кораблей

Северного флота, Мурманска и Туломской ГЭС. Для награждения победителей стрельбы был учрежден выпел министра обороны. Маршал Гречко поручил вручить нам награду командующему 10-й армией генерал-полковнику Гулаеву.

На плацу установили проектора – в декабре в Мурман-

скую Труду – за второй Звездой. В армейской мастерской нам пошили прекрасные мундиры хаки из сукна, подаренного английской королевой. В Москве нас встретили и повезли в гостиницу. Несмотря на наши возражения, устроили в отдельных номерах. Вещей у нас, кроме планшеток и кобуры с пистолетом, не было. Мы погуляли по столице – давно не слышали тишины и не видели мирно живущих людей. Вернувшись, пошли за ключами от своих номеров, а там вместо двух нам выдали один: «Будете жить вместе у Гулаева». Такой ответ мы посчитали обидным и, быстро развернувшись, отправились за Васьиной планшеткой. Администраторша крикнула нам вслед, что планшетку перенесли к Гулаеву, но мы уже не слушали. На стук в двери никто не отозвался. «Будем действовать не ключом, а плечом», – сказал я.

Дверь не выдержала нашего напора и плашмя рухнула внутрь номера. Картина ошеломила нас: за столом сидели три румынских офицера и три наши девушки. В то время Румыния, потерпев ряд крупных поражений от наших войск, откололась от Германии и перешла на нашу сторону. Страшная обида и злость овладели мною: мы добивали немцев, теряли людей, а вчерашние враги сидят в нашей гостинице... Не думая о последствиях, я скомандовал Труду: выкидывай в коридор мамальжников и этих девиц. Я рванул на себя скатерть, все, что было на столе, полетело на пол. А мы пош-

ли в мой номер. «За разбитые рюмки вам заплачу», – сказал я администраторше.

На следующее утро меня пригласили в служебную комнату. «Я комендант Москвы», – представился человек и протянул какую-то бумажку. Не читая, я вытащил пистолет и положил на стол: «А я – Гулаев». Комендант начал говорить о том, что мы неприлично вели себя по отношению к лицам теперь дружественной стороны, хотел что-то сказать еще. Но я опередил: «Если ты через пять минут не окажешься на первом этаже, все пули выпущу в твою зад».

Коменданта как ветром сдуло. «Ну ты еще запомнишь меня!» – крикнул он на ходу. Через день офицер связи доставил нам пакет с приказом: сегодня самолетом убраться на фронт. И мы «убыли», под Берлин...

Таким был рассказ Гулаева. А я вспоминаю другой случай, поведенный кем-то из офицеров. Полеты иногда заканчивались поздно. В столовой давно остывал обед, но симпатичная официантка Катя всегда разогревала еду для пригласившего старшего лейтенанта. Однако один из штабных офицеров положил глаз на черноволосую девушку. Однажды звено Гулаева возвращалось после боя, и сверху командир увидел, что из дежурного домика, где летчиков ждал обед, появился штабист. Гулаев немедленно скомандовал стрелять из пушек над головой соперника. Тот от неожиданности перетрусил, бросился прочь. А Гулаева вызвало начальство. За такие шутки грозил штрафбат. Но что делать, если у провинившегося на счету уже приличное количество сбитых самолетов? Простили.

Он такой и был: храбрый в бою, непредсказуемый в житейских делах, страстный рыбак и охотник. Странно, но казус, связанный с охотой, сыграл злую шутку уже с генерал-полковником, заместителем главнокомандующего ПВО Николаем Гулаевым. Он получил приказ от более высокого начальства – добыть шкуру белого медведя для подарка какому-то важному лицу. Приказ есть приказ. Подчиненные выполнили задание. А белые медведи уже были в Красной книге. И пролетавший над Баренцевым морем норвежский самолет заснял безобразия на льдине. Дело получило огласку. Гулаева понизили в должности, о чем он негодовал до конца жизни.

Николай Дмитриевич нет уже двадцать лет. В комнате боевой славы Ярославского дома офицеров висит его фотография – дважды Героя, еще молодого и веселого человека, пять лет служившего в нашем городе. А мы, однополчане, собираясь по любому поводу, всегда с грустью и гордостью вспоминаем боевого товарища. Он метеором промчался по нашей жизни и оставил незабываемый след.

Василий ПЕЧОРСКИЙ,
подполковник.